

СЛОВЕСНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА. ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА

УДК 82.09

ТЕОРИЯ ТЕКСТА В РАБОТАХ РОЛАНА БАРТА И ЖАКА ДЕРРИДА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

А.С. Афанасьев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена важной для современного гуманитарного знания проблеме – разработке методологии анализа художественного текста в гендерном аспекте. Предметом анализа является теория текста, которая была изложена в статьях Ролана Барта «Удовольствие от текста» (1973) и Жака Деррида «Шпоры: Стили Ницше» (1978). Именно в этих работах французских учёных, по мнению автора, обнаруживаются теоретические предпосылки к построению обозначенной методологии. В ходе анализа выявлено, что Ролан Барт в качестве примет и характеристик «женского письма» отмечает телесность и поэтику разрыва, а также невысказанность такого текста, Деррида говорит о его бессознательности, множественности и пародийности.

Ключевые слова: текст, феминность, «женское письмо», Р. Барт, Ж. Деррида

В современной философской и культурологической мысли уже стало общепринятым подразделять тексты как явления культуры на «мужские» (маскулинные, от лат. *masculus* ‘мужской’) и «женские» (феминные или фемининные, от лат. *femineus* или *femininus* ‘женский’)¹.

А.В. Малыгина в своей диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук «Гендерные аспекты как тексты культуры (на примере моды середины XX – начала XXI вв.)» отмечает: «Основной признак “маскулинного” текста проявляется в его построении на базе значимых смысловых оппозиций, а “фемининного” – в конструировании внутри контекста уже существующих культурных смыслов, при микшировании и цитировании которых рождаются новые смыслы. “Маскулинный” текст иерархичен и утверждает одну возможную истину, “фемининный” – плюрален и демонстрирует множественность возможных истин» [1, с. 11].

¹ В дальнейшем в нашей работе мы будем употреблять более устоявшийся термин *феминный*, при этом сохраняя его вариант в цитатах.

Подобная жёстко обозначенная оппозиционность подчёркивает желание учёных-гуманитариев разграничить эти дискурсы, причём это размежевание обусловлено в первую очередь стремлением вычленив из текстов как явлений культуры именно «феминный» тип письма. Следует отметить, что в данном случае речь идёт о типе текста, а не о принадлежности автора к тому или иному полу. Поэтому А.В. Малыгина, применив приём «гендерной метафоры», использует термины *маскулинность/феминность* при характеристике дискурсов науки и культуры, определяя «структуралистский дискурс как маскулинный, а постструктуралистский как фемининный. Если “маскулинный” дискурс отражает традицию философско-гуманитарной рефлексии и обыденного сознания, доминирующую в период от Античности до начала эпохи постмодерна, то “фемининный” характеризует постмодернистский тип мышления» [1, с. 10–11].

С.Ю. Воробьёва, анализируя работу известных теоретиков феминистского дискурса Э. Сиксу и К. Клеман «Вновь рождённая», формулирует принципы «женского письма»: децентрированность, игнорирование бинарных оппозиций, отсутствие границы между речью и языком, бисексуальность; при этом делает упор на принадлежность автора к женскому полу [2, с. 183–184].

Таким образом, можно говорить о том, что на данный момент в современной гуманитарной науке существует представление о «женском» дискурсе (типе письма), с позиций гендера анализируются произведения современной женской прозы (см., например, [3–6]), однако методологическая база литературоведческого исследования художественного текста ещё не вполне сформирована. Целью настоящей статьи является анализ классических работ теоретиков постструктурализма, которые сыграли в становлении и развитии гендерных исследований далеко не последнюю роль.

Одной из первых работ подобного рода, на наш взгляд, является статья Ролана Барта «Удовольствие от текста» (1973). В ней французский учёный вводит и пытается разграничить понятия *текст-удовольствие* и *текст-наслаждение*. Несмотря на отмеченный самим исследователем факт, что «во французском языке отсутствует слово, способное одновременно обозначать и удовольствие (приносящее удовлетворение), и наслаждение (доводящее до беспамьятства)» (УТ, с. 475), Р. Бартом фиксируются следующие различия между этими двумя типами текстов.

Во-первых, учёным отмечается разное воздействие текста на читателя: от текста-удовольствия он должен получать комфорт, от текста-наслаждения – дискомфорт и деконструкцию имеющихся ценностей: «Текст-удовольствие – это текст, приносящий удовлетворение, заполняющий нас без остатка, вызывающий эйфорию; он идёт от культуры, не порывает с ней и связан с практикой *комфортабельного*² чтения. Текст-наслаждение – это текст, вызывающий чувство потерянности, дискомфорта (порой доходящее до тоскливости); он расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, вызывает кризис в его отношениях с языком» (УТ, с. 471).

Во-вторых, по мнению Р. Барта, «удовольствие может быть высказано, наслаждение – нет» (УТ, с. 478). Текст-удовольствие создаётся писателем в акте

---

² Здесь и далее при цитировании сохраняется курсив автора. – А.А.

письма, основной его единицей является буква; критик в свою очередь может о подобном тексте рассуждать. Текст-наслаждение существует «вне удовольствия и вне критики... вы не можете ничего сказать “о” подобном тексте, вы можете говорить только “изнутри” него самого, *на его собственный лад*, предаваться безоглядному плагиату» (УТ, с. 478).

Проецируя данные понятия в область культуры как таковой, учёный приходит к следующим выводам.

1. Если между удовольствием и наслаждением существует только количественная разница, то текст-наслаждение (к которым Р. Барт относит тексты современной культуры) являются «историческим продолжением» текста-удовольствия (продукты прошлого). Иными словами, здесь обнаруживается линейное, поступательное движение культуры.

2. Если же оба понятия отличаются качественно, то есть существуют параллельно, текст-наслаждение возникает в культуре «как своего рода скандал (осечка), как продукт разрыва с прошлым, как утверждение чего-то нового (а не расцвет старого). В данном случае субъект культуры представляет собой «“живое противоречие”»; это расколотый субъект: с помощью текста он одновременно наслаждается и устойчивостью собственного я, и его разрушением» (УТ, с. 477).

Если актуализировать терминологию Барта – *текст-удовольствие* и *текст-наслаждение* – в отношении современных гендерных исследований, то можно увидеть, что *текст-удовольствие* имеет те же характеристики и признаки, что и «маскулинный» текст. Соответственно, *текст-наслаждение* – это не что иное, как текст «феминный». *Текст-удовольствие*, как и «маскулинный» тип дискурса, вписан в традиционную (патриархальную) культуру и более привычен для читателя, воспитанного на классической («мужской») литературе. *Текст-наслаждение*, в котором узнаётся «женское письмо», противостоит культуре, пытается её разрушить, а читателю некомфортно воспринимать этот текст именно за счёт того, что он не вписывается в рамки «традиционного» дискурса художественной литературы. Бартовская хронология появления и соотношения двух типов текста также соответствует сосуществованию «маскулинного» и «феминного» типов письма.

Если говорить о поэтике *текста-наслаждения*, то, по Р. Барту, для него характерна прежде всего телесность. Позволим себе привести довольно пространную цитату из статьи французского учёного: «Говорят, что, рассуждая о тексте, арабские эрудиты употребляли замечательное выражение: *достоверное тело*. Что же это за тело? Ведь у нас их несколько; прежде всего, это тело, с которым имеют дело анатомы и физиологи, – тело, исследуемое и описываемое наукой; такое тело есть не что иное, как текст, каким он предстаёт взору грамматиков, критиков, комментаторов, филологов (это – фенотекст). Между тем у нас есть и другое тело – тело как источник наслаждения, образованное исключительно эротическими функциями и не имеющее никакого отношения к нашему физиологическому телу: оно есть продукт иного способа членения и иного типа номинации; то же и текст: это всего лишь пространство, где свободно вспыхивают языковые огни. <...> Текст обладает человеческим обликом; быть может, это образ, анаграмма человеческого тела? Несомненно. Но речь идёт именно о нашем эротическом теле. Удовольствие от текста несводимо к его грамматическому (фенотекстовому) функционированию, подобно тому,

как телесное удовольствие несводимо к физиологическим отправлениям организма» (УТ, с. 473–474).

Согласно Р. Барту текст есть тело (и тело есть текст), и этому телу-тексту присуща целостность, однако читатель получает истинное удовольствие (наслаждение) от текста в местах разрыва, нарушения его целостности или, используя термины психоанализа, при обнаружении доэдипального состояния: «эротичны... явления прерывистости, мерцания: например, кусочек тела, мелькнувший между двумя частями одежды (рубашка и брюки), между двумя кромками одежды (приоткрытый ворот, перчатка и рукав); соблазнительно само это мерцание, иными словами, эффект появления-исчезновения» (УТ, с. 468).

В связи с этим важную роль начинает играть поэтика разрыва (сдвига, или дефляции), охватывающего «субъекта в самый разгар наслаждения» (УТ, с. 465). Причём этот разрыв может происходить на самых разных уровнях, в том числе и на уровне самого языка (главным образом, в области фонетики и синтаксиса). Сдвиг автор может делать эксплицитно (как, например, авангардисты), а может программировать читателя, чтобы тот сам создавал его³. Текст в таком случае предстаёт дискретным, фрагментарным. Подобную структуру текста Ролан Барт сравнивает с доэдипальным миром ребёнка, в котором нет иерархии, нет ощущения единого целого. То же самое он видит во фрагментарно созданном тексте: «В построенном фрагментарным способом тексте каждая его часть несёт в себе свой собственный смысл, способна вызвать восхищение им, а текст в целом состоит из множества равноценных смысловых образований» [7, с. 25]⁴.

Следующим шагом в развитии методологии гендерных исследований, на наш взгляд, является работа Жака Деррида «Шпоры: Стили Ницше» (1978). Это исследование становится концептуальным именно для литературоведческого анализа, поскольку французский учёный в качестве одного из предметов своего философствования избирает текст. Материалом послужили труды другого философа – Фридриха Ницше, в стиле которого Деррида обнаружил черты феминности.

Философия Ж. Деррида направлена «против традиционных стереотипов мышления в сторону утверждения феноменов “друговости”» [7, с. 27] и утверждает множественность, отказ от бинарных оппозиций, возможность смещений, замещений и дополнений, что вытекает из его концепций деконструкции и децентрации. Французским учёным критикуется фаллоцентризм, следовательно, именно женщина выступает в философских построениях Деррида как Другой.

Основное отличие мужчины от женщины, по мнению французского исследователя, состоит в том, что «женщина пишет (ся). Это ей причитается, к ней возвращается стиль. Точнее, если стиль (подобно тому, как пенис, по Фрейд, – “естественный прообраз фетиша”) – это мужчина, то письмо – женщина» (ШСН1, с. 125). Письмо в дерридианских построениях противостоит речи: оно

³ «Любопытно, однако, что наиболее классические повествования (романы Золя, Бальзака, Диккенса, Толстого) содержат в себе своего рода ослабленный тмесис: ведь отнюдь не всё подряд в их произведениях мы читаем с одинаковым вниманием; напротив, возникает некий свободный ритм чтения, мало пекущийся о целостности текста» (УТ, с. 468).

⁴ Как справедливо отмечает И. Жеребкина, подобную структуру письма французский учёный использует в своей книге «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975), где имеются постоянные «разрывы, сноски, скобки, противоречивые высказывания, запутанности, отсутствие центральных слов, так как каждое слово в нём – нежиданность и центр. <...> Детали монтируются и демонтируются, автор перестаёт быть гарантом связности: “я” проявляется только в виде “кусочных я”» [7, с. 25].

бессознательно. Язык, с помощью которого это письмо осуществляется, «не структурирован вокруг символического фаллоса в культуре» [7, с. 27], а значит, письмо репрезентирует себя через бесконечные повторения и замещения. Отсюда вытекает вывод, что именно для «женского письма» характерны многочисленные реминисценции и аллюзии. Отыскивание этих следов становится, таким образом, одним из возможных направлений в исследовании «женских» текстов.

Кроме того, Жак Деррида, делая вывод из «Весёлой науки» Фридриха Ницше, говорит о том, что для «женского письма» обязательным условием является присутствие множества (минимум двух) стилей, а в идеале – письмо «между стилями»: «Никогда не бывает стиля, подобия или женщины как таковых. Ни полового различия как такового. Чтобы подобие свершилось (*advienne*), следует писать в отстранении-интервале (*l'ecart*) между множеством стилей. Если и имеется стиль – вот что внушает нам женщина (–) Ницше (*la femme (de) Nietzsche*) – его должно иметься более одного.

Две шпоры, по меньшей мере: таков платёж» (ШСН2, с. 124).

Как видно из приведённой цитаты, для Жака Деррида в рассматриваемом контексте важна категория *стиль*. Именно «стилизованная шпора» (шпора как альтернатива мужскому фаллосу) женщины может прорвать завесу фаллоцентричной культуры (здесь следует вспомнить рассуждение о разрывах Р. Барта), разрушить устоявшиеся нормы, поменять местами истину и не-истину. Писать между стилями (а как уже было процитировано выше, стиль – это мужчина) – значит создавать текст с оглядкой на другие тексты, либо лавируя между ними, либо их микшируя.

Сам Деррида обнаруживает у Ницше ещё один способ обращения со стилями – пародию. И. Жеребкина отмечает акцент, сделанный французским учёным в отношении текстов Ф. Ницше, на «постоянную пародизацию, а значит – тип миметических отношений с различными стилями и текстами <...> а понятие мима и миметических отношений к действительности, по мнению Деррида, характерны именно для женщин⁵. Миметическое отношение как структура субъективности указывает на отказ субъекта от однозначных понятий истины или сущности, на вечное ускользание от застывших утверждений и игру с различными значениями реальности» [7, с. 28]. Пародия, таким образом, включается Жаком Деррида в список приёмов, позволяющих совершить деконструкцию традиционных отношений, обнаружить множественность значений.

Квинтэссенцией всех рассуждений Жака Деррида по поводу «женского письма» может служить следующее его высказывание: «Эта не востребованность, или остаточность⁶, не вовлекается ни в какую круговую траекторию, не следует ни по какому собственному маршруту, проложенному между своими началом и концом. Её движение не знает никакого центра. Структурно освобождённая от всякого жизненного желания-сказать, она всегда может ничего не желать-сказать, не иметь никакого разрешимого смысла; пародийно разыгрывать смысл, до бесконечности прививаться то здесь, то там, смешаясь за пределы

⁵ Деррида пишет: «Пародия всегда предполагает нечто от наивности, опирающейся на бессознательное, и головокружительное невладевание собой, потерю сознания» (ШСН1, с. 139).

⁶ В данном случае французский учёный анализирует неизданный фрагмент Ф. Ницше «Я забыл свой зонтик», однако сама ситуация не востребованности и остаточности вполне применима к «женскому письму» в целом.

всякого контекстуального корпуса или законченного кода. Читаемый как текст (есrit), этот фрагмент (inedit) всегда может оставаться тайной – не потому, что скрывает тайну, а потому, что всегда может не владеть ею, притворяясь, будто в его складках спрятана истина» (ШСН2, с. 122). Из этого высказывания следует, что феминность для Ж. Деррида – это то Другое, которое позволяет работать с действительностью, обнажая и разрушая традиционные культурные стереотипы.

Подводя итоги, нужно сказать, что для методологии литературоведческого анализа в гендерном аспекте являются концептуальными работы Ролана Барта «Удовольствие от текста» и Жака Деррида «Шпоры: Стили Ницше». В этих статьях были обозначены и проанализированы принципы, приёмы и черты поэтики, характерные для «женского письма». Барт отмечает телесность и поэтику разрыва, а также «невывысканность» в «женском» тексте; Деррида говорит о бессознательности, множественности и пародийности и цитатности.

Источники

- УТ – Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 462–518.
- ШСН1 – Деррида Ж. Шпоры: Стили Ницше // Филос. науки. – 1991. – № 2. – С. 118–142.
- ШСН2 – Деррида Ж. Шпоры: Стили Ницше // Филос. науки. – 1991. – № 3. – С. 114–129.

Литература

1. Малыгина А.В. Гендерные аспекты как тексты культуры (на примере моды середины XX – начала XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2008. – 24 с.
2. Воробьёва С.Ю. Проблема «женского письма» в контексте теории гендер // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2013. – № 1(17). – С. 180–187.
3. Воробьёва С.Ю. Дискурсивные приёмы иронической самоидентификации автора в современной женской прозе (на материале романа Г. Щёкиной «Графоманка») // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2011. – № 1(13). – С. 14–20.
4. Воробьёва С.Ю. Женские и мужские образы в романе Л. Улицкой «Медея и её дети» // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 12. – С. 52–62.
5. Воробьёва С.Ю. Филологическая рефлексия как средство эстетической идентификации автора в прозе Т. Толстой // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. – 2012. – № 11. – С. 153–157.
6. Широкова Е.В. В поисках феминного дискурса: эстетико-поэтические эксперименты в русской женской прозе конца XX века // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 90–96.
7. Жеребкина И. «Прочти моё желание...»: Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 256 с.

Поступила в редакцию
02.11.15

Афанасьев Антон Сергеевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: a.s.afanasyev@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 1, pp. 7–13

**Theory of Text Organization in the Works of Roland Barthes and Jacques Derrida:
Gender Perspective**

A.S. Afanasev

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *a.s.afanasyev@mail.ru*

Received November 2, 2015

Abstract

The paper is devoted to the important problem of contemporary humanitarian knowledge, such as development of the methodology for analysis of the literary text in gender perspective. The subject of analysis is the theory of text organization, which was set out in the articles of R. Barthes “The Pleasure of Text” (1973) and J. Derrida “Spurs: Nietzsche’s Styles” (1978). These works of the French scientists, according to our opinion, provide theoretical backgrounds of the above-stated methodology. In both cases, the notion of “women’s letter” is not associated by literary critics with the biological gender of the person who created the text, thereby being rather the result and projection of the author’s consciousness. The analysis revealed that R. Barthes considers physicality and poetics of rupture as characteristics of “women’s writing”. According to R. Barthes, the text is the body (and the body is the text) possessing integrity. However, the reader finds pleasure in the text due to the tear, infringement of its integrity, as well as implications. J. Derrida speaks about its unconscious character, plurality, and parody. Femininity is understood by him in another way, i.e., as allowing to work with the reality, exposing and destroying the traditional cultural stereotypes.

Keywords: text, femininity, “women’s letter”, R. Barthes, J. Derrida

---

⟨ *Для цитирования:* Афанасьев А.С. Теория текста в работах Ролана Барта и Жака Деррида: гендерный аспект // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 7–13. ⟩

⟨ *For citation:* Afanasev A.S. Theory of text organization in the works of Roland Barthes and Jacques Derrida: gender perspective. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 7–13. (In Russian) ⟩